

А. И. ИВАНОВ

Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека»

Известие о находке в Сибири в 1968 г. нового списка «Судного дела Максима Грека», более древнего (конец XVI в.) и более полного, чем известные до сих пор списки Погодинский (XVII в.) и Барсова (XVIII в.),¹ вызвало живой интерес ученых — историков и литературоведов.

Возникла надежда, что эта находка поможет внести определенную ясность в темное судное дело Максима Грека, которое в ученой литературе до последнего времени служило предметом разногласий.

В то время как одни исследователи склонны были признать справедливыми предъявленные Максиму Греку на соборах 1525 и 1531 гг. тяжкие обвинения политического и церковно-религиозного характера (Макарий, В. С. Иконников, В. И. Дунаев, И. И. Смирнов, И. Б. Греков и И. Денисов), другие — категорически отрицали эти обвинения, — или все полностью, считая их сплошной клеветой враждебно настроенных против Максима судей (Е. Е. Голубинский), или наиболее важные из них, касающиеся политического облика обвиняемого (В. Ф. Ржига, С. Н. Чернов).²

Причиной разногласий было то, что в своих суждениях ученые опирались почти исключительно на материалы «Судного дела Максима Грека», как оно изложено в списках Погодинском и Барсова. Между тем крайняя запутанность, противоречивость и явная тенденциозность содержания дошедшего до нас списка давно уже вызывали сомнение некоторых ученых в подлинности этого документа.

Е. Е. Голубинский считал, что Судный список — не официальные протоколы судебного производства на соборах, а чьи-то частные записки о суде, принадлежащие, вероятнее всего, самому митрополиту Даниилу.³ С. Н. Чернов, специально изучавший текст Погодинского списка, пришел к выводу, что он является копией дефектного экземпляра списка; но ученый не высказывал сомнений в существовании официального архетипа.⁴

¹ См. статью: Н. Н. Покровский. Новое о Максиме Греке. — ВИ, 1969, № 11.

² См. подробно: Н. А. Казакова. 1) Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII. М., 1968; 2) Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, с. 7—44, 177—195.

³ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, с. 712.

⁴ С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 52—53.

В последнее время вопросом о судном деле Максима Грека занималась Н. А. Казакова.⁵

В настоящее время, как указано выше, круг источников, относящихся к судебным процессам против Максима Грека, пополнился находкой в Сибири нового, более древнего и более полного судного списка.⁶ К сожалению, вопреки ожиданиям и эта находка не внесла чего-либо существенно важного в дело изучения суда над Максимом Греком. Определенный интерес в смысле исторического значения имеют сопутствующие судному списку материалы сибирской находки: письма о деле Максима Василия III, Даниила, Иоасафа, Макария, сведения об отношении к этому делу Вассиана Патрикеева, «Судный список Исака Собаки 1549 г.». Но эти материалы помогают лишь составить более отчетливое представление об окружающей Максима Грека обстановке и о характере главных причастных к его делу лиц. Что касается самого содержания и хода судебных процессов над Максимом Греком, как они изложены в перечисленных судных списках, то указанные выше материалы не содержат никаких новых важных сведений. Издатель Сибирского списка Н. Н. Покровский после тщательного изучения документа пришел к выводу, что этот памятник, как и ранее известные списки Погодинский и Барсова, не является подлинным официальным протоколом соборов, так как имеет невозможные для официального документа погрешности. Допуская, что Сибирский список опирался на официальные записи соборных заседаний, Н. Н. Покровский отмечает в нем наличие таких ошибок и противоречий, которые заставляют признать его крайне неумелой переработкой официального оригинала и отнести время создания его протографа к 40-м годам XVI в. Оценивая научное значение Сибирского судного списка, издатель его заявляет, что и с появлением этого документа «многие противоречия и недоумения остаются. Мало того, можно сказать, что «судный список» представляется теперь еще более противоречивым памятником, чем раньше».⁷ К таким же заключениям пришла и Н. А. Казакова. Путем текстуального сопоставления Сибирского списка со списками Погодинским и Барсова и на основании других наблюдений она считает возможным утверждать, что Сибирский список не является копией подлинника судных списков Максима Грека. Его архетип представлял собой литературно-публицистическую обработку судных списков, которая была составлена, очевидно, вскоре после второго собора на Максима Грека. . . . Автором обработки было лицо, близкое к митрополиту Даниилу, имеющее доступ к подлинникам судных списков.⁸

Таким образом, все имеющиеся в нашем распоряжении списки «Судного дела Максима Грека» (Погодинский, Барсова и Сибирский), по единодушному утверждению занимавшихся изучением их исследователей (С. Н. Чернова, Н. Н. Покровского и Н. А. Казаковой), не восходят к подлинным судебным протоколам, а представляют собой лишь искажение или свободную их переработку, сделанную во враждебных Максиму Греку иосифлянских кругах и, следовательно, крайне тенденциозную. Указанные выше исследователи не сомневаются в существовании подлинного Судного списка, но, по предположению Н. А. Казаковой, он погиб в начале XVII в. во время польско-литовской интервенции, а по мнению издателей Сибир-

⁵ Н. А. Казакова. 1) О «судном списке» Максима Грека. — Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 28—35; 2) Вопрос о причинах осуждения Максима Грека, с. 117—125.

⁶ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. Изд. подготовил Н. Н. Покровский. М., 1971.

⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 37—38, 44.

⁸ Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 192.

ского списка, документ сгорел во время «великого пожара» в Москве в июне 1547 г.⁹

Мы склонны думать, что подлинных официальных судебных протоколов по делу Максима Грека вообще не существовало. Судилище над Максимом было создано по инициативе митрополита Даниила и построено им на ложных обвинениях и на таких же ложных показаниях, заранее инспирированных, «свидетелей». Что главным и скорее всего единственным инициатором суда над Максимом Греком был митрополит Даниил, ясно из авторитетного свидетельства самого Максима, которому лучше, чем кому-либо другому, было известно, кто являлся истинным виновником его ужасной участи. В своем послании митрополиту Макарию, написанном в середине 40-х годов, Максим, приводя в пример несправедливо пострадавших «древних мужей», заявляет: «Такожде и аз пострадах, пад во гнев несправеднем Даниилове. Да не поставит бог ему грех сей».¹⁰

Чем была вызвана лютая ненависть Даниила к Максиму Греку?

Несомненно, основная причина заключалась в том, что Даниил, возглавлявший после Иосифа Волоцкого партию иосифлян, которая яростно отстаивала неприкосновенность церковных и монастырских земельных богатств вместе с селами, не мог допустить появления на арене русской церковной жизни рядом с Вассианом Патрикеевым нового и еще более грозного обличителя церковных и монастырских стяжаний.

Нестяжательские взгляды Максима Грека проявились в первые же годы пребывания его в России. Он вынес их из наблюдений над жизнью некоторых нищенствующих монашеских орденов на Западе, а также над проведенной на его глазах при Савонароле реформой монастыря св. Марка во Флоренции на началах полного нестяжания и нищеты¹¹ и, наконец, над бытом и порядками афонских монастырей. Эти взгляды Максима нашли отражение в следующих произведениях, написанных им в России до суда 1525 г.: «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительства»;¹² «Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.)»;¹³ «Сказание инокса Максима ко старцу Вассиану о святой горе жительства»¹⁴ и «Об Афонской горе и тамошних монастырях».¹⁵

Перечисленных сочинений Максима Грека, вполне определенно выражающих нестяжательские воззрения автора, было достаточно для того, чтобы вызвать гнев Даниила и поднять против писателя гонение.¹⁶ Какое важное значение придавалось ссылкам Максима на нестяжательство афон-

⁹ Там же, с. 192—193; Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 6.

¹⁰ Послание опубликовано Филаретом (Гумилевским) в качестве приложения к статье «Максим Грек» (Москвитянин, 1842, ч. VI, № 11), по рукописи: ГБЛ, № 264, лл. 37—40 об. (с. 96).

¹¹ F. F. P e r r e n s. Jérôme Savonarole. D'après les documents originaux. Paris, 1856, p. 75—80.

¹² Сочинения Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 178—205.

¹³ Текст опубликован Н. В. Сенициной (Византийский временник, т. XXVI. М., 1965, с. 110—136), по списку: ГПБ, Соф., № 1498, лл. 289—305 об.

¹⁴ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 243—245. Сказание было включено в подготовленную Вассианом Патрикеевым новую Кормчую (ГПБ, Ф. II. 74, лл. 351—352).

¹⁵ Сочинение не издано. Находится в рукописях: ГБЛ, Рум., № 264 (XVI в.), лл. 133 об. — 134; ф. 304—Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 13 об.—14; ф. 310 — Унд., № 488 (XVII в.), л. 604—604 об. Н. Н. Покровский без всяких оснований заявляет, что это сочинение не было известно соборам 1525 и 1531 гг. (Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 62, прим. 1).

¹⁶ Попытка Н. А. Казаковой отнести к раннему дособорному периоду сочинение Максима Грека «Инокса Максима слово душеполезно zelo внимающим ему: Беседает ум к души своей, в нем же и на лихонство» не имеет прочных оснований (Н. А. К а з а к о в а. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 166—168).

ских монастырей, видно из того, что Даниил и Досифей на суде прямо указывали на эти ссылки и в опровержение их приводили в качестве доказательства житие Саввы, архиепископа сербского, и принесенные с Афона грамоты прежних государей, в которых говорилось о дарении греческим монастырям сел.¹⁷ Но в указанных документах речь шла о дарениях греческим монастырям земель и сел за пределами Афона, чего Максим Грек не считал нужным касаться в своих сочинениях об афонских монастырских порядках. На самом же Афоне монастырских сел с зависимым населением действительно никогда не существовало.

Помимо принципиальных расхождений по вопросу о монастырских имениях, у митрополита Даниила имелись мотивы личного характера для неприязненных отношений к Максиму Греку.

Как свидетельствует сам Максим, Даниил трижды обращался к нему с просьбой перевести на русский язык «Церковную историю» Феодорита, но Максим отказался, опасаясь, что подробно изложенные в ней мнения еретиков Ария и Македония могут «звести в соблазн» простых читателей. Этим отказом он так обидел Даниила, что последний припомнил ему свою обиду на судебном процессе.¹⁸ Несомненно, немалую роль сыграли в неприязни Даниила к Максиму Греку и обличения последним пороков высшего русского духовенства — вначале устные, а позже и письменные, тем более что некоторые из обличений Даниил имел основания относить лично к себе.¹⁹ Наконец, одним из важных поводов к преследованию Максима послужила критика им, в связи с возведением на митрополичью кафедру Даниила (1522), порядка поставления русских митрополитов,²⁰ о чем подробно будет сказано ниже.

Таким образом, было достаточно причин для того, чтобы возбудить в Данииле ненависть к Максиму Греку и посадить его на скамью подсудимых. Но здесь возникает вопрос, что побудило великого князя Василия III отдать Максима Грека, к которому он прежде благоволил, в руки церковного суда.

В русской историографии конца XVIII—середины XIX в. господствовало мнение, что причиной опалы Максима Грека было его противодействие разводу и второму браку Василия III.²¹ После опубликования в 1847 г. Судного списка Максима Грека это мнение было отброшено, и исследователи, опираясь на данные судного дела, стали выдвигать другие причины осуждения Максима. Однако в последнее время решительным сторонником старой версии о связи развода Василия III с осуждением Максима Грека выступил А. А. Зимин. Объединив вопрос об отрицательном отношении Максима Грека к разводу Василия III с вопросом о политических взглядах ученого Грека, А. А. Зимин утверждает, что Максим Грек был враждебно настроен как по отношению ко второму браку московского князя, так и к его внешней и внутренней политике.

¹⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 113.

¹⁸ Сочинения Максима Грека, ч. II. Казань, 1860, с. 372—373; см.: «Инок Максим Грека послание о смирении к бывшему митрополиту Даниилу, уже извержену» (с. 367—376). Об этом факте столкновения между Максимом и Даниилом в «Судебном деле» нет упоминаний.

¹⁹ Так, например, в сочинении «...слово душеполезно зело внимающим ему: Беседует ум к души своей, в нем же и на лихоимство» Максим перечисляет такие пороки высшего иерарха, которые могли быть отнесены в первую очередь к митрополиту Даниилу (Сочинения Максима Грека, ч. II, с. 39—44). Сочинение скорее всего написано после суда, но в нем изложены мысли, которые Максим высказывал несомненно до судебного процесса.

²⁰ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 154—156.

²¹ См.: Н. А. К а з а к о в а. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 7—11, 177.

Ввиду того что суждения А. А. Зимина по указанным вопросам нам кажутся недостаточно обоснованными, мы считаем необходимым кратко остановиться на них.

А. А. Зимин считает Максима Грека одним из виднейших участников оппозиции второму браку Василия III. В доказательство он тщательно выписывает родословную тех лиц, которые так или иначе соприкасались с Максимом Греком или были известны ему. Но все эти генеалогические изыскания не могут служить доказательством отрицательного отношения Максима Грека ко второму браку московского князя. Мало убедительными являются и ссылки А. А. Зимина на некоторые исторические источники («История о великом князе Московском» Курбского, «Выпись о втором браке Василия III»), так как тенденциозность и недостоверность изложенной в этих источниках версии о противодействии второму браку Василия III Вассиана Патрикеева и Максима Грека не подлежат сомнению.²² На какие же данные конкретно опирается в своих утверждениях об отрицательном отношении Максима ко второму браку Василия III А. А. Зимин? На этот вопрос он сам отвечает следующим образом: «Взгляды Максима по вопросу о разводе Василия III могут быть восстановлены только по косвенным свидетельствам — по близости к Сабуровым и по взглядам Вассиана».²³ Если вспомнить, что Максиму Греку в какой-то степени (возможно, весьма отдаленной) был знаком только один из Сабуровых, дальний родственник Соломонии, ее двоюродный брат Иван Данилович, то опора для заключений А. А. Зимина окажется весьма шаткой. Здесь, кстати, нельзя не отметить и еще одного предположения А. А. Зимина: «Выступая из канонических соображений, — пишет он, — против предполагавшегося развода Василия III, Максим Грек и его окружение тем самым отстаивали права Юрия Дмитровского на московский престол». А в примечании к этому утверждению он говорит: «О связях Максима Грека с князем Юрием у нас сведений нет».²⁴

Наконец, по нашему мнению, является ошибочным основное положение А. А. Зимина о выступлении Максима Грека против развода и второго брака Василия III «по каноническим соображениям». Церковные каноны разрешают не только второй, но и третий брак при живой жене после развода при известных обстоятельствах (сумасшествие жены, измена, бесплодие). Как известно, Соломония обвинялась в бесплодии. Церковь налагала только на второбрачных и третьобрачных более или менее строгую епитимию (покаяние).²⁵ Максим Грек, конечно, знал церковные правила по вопросу о браке, а потому не мог вмешаться в дело о разводе и втором браке Василия III по каноническим соображениям. В основе борьбы против этого брака лежали политические мотивы, к которым Максим Грек не был причастен.

Рассмотрение вопроса о политических обвинениях, предъявленных Максиму на следствии и суде, А. А. Зимин начинает с заявления, что после обстоятельного исследования Н. А. Казаковой²⁶ материалы «Суд-

²² Там же, с. 115—120.

²³ А. А. Зимин. 1) Максим Грек и Василий III в 1525 г. — Византийский временник, т. XXXII. 1971, с. 80; 2) Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 293. В книге добавлено: «... и по рассказу „Выписи о втором браке“» (сомнительная ценность этого документа отмечена нами выше).

²⁴ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 70.

²⁵ Обзор постановлений о браке в православной церкви. — Православный собеседник, Казань, 1859, чч. II—III, с. 140—145, 329—347; Епископ Никодим (Дальский). Православное церковное право. Перевод с сербского М. Г. Петровича. СПб., 1897, с. 634—646. Указаны все церковные постановления о браке.

²⁶ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII, с. 109—126; т. XXIX. М., 1968, с. 108—134.

ного дела Максима Грека» могут привлекаться с очень большой осторожностью. Но в дальнейшем автор опирается на другой памятник сходного типа — отрывок из следственного дела Берсеня Беклемишева. А. А. Зимин утверждает, что как Берсень, так и Федор Жареный были привлечены к суду по доносу Максима Грека. Последний стал и главным свидетелем обвинения по делу Берсеня. «Максим Грек, — пишет А. А. Зимин, — вероятно, надеялся, что он, как иноземец, обладает известным иммунитетом, который он решил подкрепить еще доносом на И. Н. Берсеня и тем самым вызвать признательность со стороны властей. Но он не знал, что гнев Василия III (и тем более — митрополита Даниила) направлен был прежде всего по его адресу, а Берсень оказался втянут в судебное разбирательство как бы между делом. Игра Максима Грека была проиграна еще до того, как она началась».²⁷ То же самое А. А. Зимин повторяет и в своей монографии, прибавив, что Максим Грек — «человек сомнительной моральной чистоты».²⁸

По поводу высказываний Берсеня (переданных Максимом) о вредном влиянии на русские порядки Софьи Палеолог А. А. Зимин пишет: «...выпячивая в рассказе Берсеня антигреческую тему, Максим Грек как бы стремился отделить себя от своего прежнего друга и представить себя вполне благонадежным человеком».²⁹ Касаясь в другом месте беседы Максима Грека с Берсением о русско-турецких отношениях, А. А. Зимин заявляет: «В данном случае, может быть, покривил душою Максим Грек, передавая смысл своей беседы с Берсением. Обвиняя своего старого приятеля в недружелюбном отношении к Турции (как и в брани по адресу Василия III), Максим Грек мог просто надеяться, что ему удастся утопить Берсеня, а самому выйти сухим из воды».³⁰ В итоге автор приходит к выводу, что «в своих показаниях Максим Грек старался представиться вполне лояльным человеком, стремясь всю вину за крамольные беседы возложить на Берсеня».³¹

Нам кажется, что такой метод использования сомнительных материалов нельзя признать обоснованным. Не следовало бы забывать, что сохранившийся отрывок следственного дела Берсеня и Максима Грека, которым автор пользовался, представляет собой черновую запись допросов, имеющую многочисленные исправления.³² Характер исправлений не вызывает сомнений в том, что как текст следственного дела, так и внесенные в него поправки принадлежат лицам из враждебного Максиму митрополичьего лагеря.³³ Для примера достаточно привести две выдержки из следственных записей. В том месте, где говорится о жалобах Берсеня и Максима на жестокость великого князя, вычеркнуто из текста следующее показание Максима: «Да Максим же говорил: истинну, господине, вам скажу, что у меня в сердце, ни от кого есми того не слышал и не говаривал ни с кем, а мнением есми своим держал в сердце; вдовицы плачут, а пойдет государь

²⁷ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 66, 71, 77.

²⁸ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени, с. 278—279.

²⁹ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 74.

³⁰ Там же, с. 75.

³¹ Там же, с. 76—77.

³² Отрывок издавался трижды: ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 172, с. 141—145; Сборник князя Оболенского, № 3. М., 1838, с. 1—15; Библиотека для чтения, т. XXI. СПб., 1837, Отдел «Критика», с. 51—63. В последнем издании документ опубликован под заглавием: «Следственное дело Максима Грека», с добавлением в конце: «Отдельные листки, черновые, того же Следственного дела. Сказка Максима Грека», с. 59—61.

³³ С. Н. Чернов подробно рассматривает имеющиеся в сохранившемся отрывке следственного дела Берсеня и Максима исправления, — см.: С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 465—474.

к церкви, и вдовицы плачут и за ним идут, и они их бьют; и аз за государя молил бога, чтобы государю бог на сердце положил и милость бы государь над ними показал». ³⁴ Там, где речь идет об очной ставке Берсеня с Максимом, в записях прибавлено: «И Максим на Берсеня очи на очи говорил те же речи, что и в списке написаны». ³⁵

Понятно, что такого рода документ не может служить вполне надежной опорой при суждении о политических взглядах Максима Грека и требует критического отношения к себе.

Максим Грек был привлечен к суду не великим князем Василием III, а митрополитом Даниилом. Но по церковным канонам Максим Грек был подсуден главе той церкви, к которой он принадлежал, т. е. константинопольскому патриарху. Об этом он сам заявлял в своем «Исповедании православной веры»: «Весте бо и сами добре устав великаго первого собора Никейского, яко крепко заповедует вездесущим преосвященным святителям не судити отнюдь кроме своих предел и области, но всякому ведати своя области. Аще убо или добр аз и прав есмь о православной вере, или развратен, судилищу и разсуду вселенского патриарха повинен есть, а не святителю благоверных русскых земли; грек бо аз и в гречестей земли и родився, и воспитан, и постригся в иноки. Сего ради и греческия земли святителем повинен есмь по божественным правилам и уставом святых собор». И дальше Максим заявляет, что, если он в каком-либо злом умысле повинен перед великим русским князем, как стараются доказать его враги, то он готов принять казнь. ³⁶ Кроме того, по тем же канонам духовное лицо, которому предъявлено обвинение церковно-религиозного характера, имеет право в течение года представить доказательства своей невинности и только при отсутствии таковых предается суду. ³⁷ Все это не устраивало Даниила. Чтобы посадить на скамью подсудимых и вернее погубить Максима, враги его во главе с митрополитом решили предъявить ему ряд тяжких политических обвинений, использовав его знакомство с некоторыми лицами из боярско-служилой среды, действительно отрицательно настроенными к проводимой в то время правительством внешней и внутренней политике. Таким образом, Максим Грек был привлечен вначале как государственный преступник и втянут в следственное дело Берсеня—Беклемишева и Федора Жареного. Этим путем Даниилу удалось навлечь на Максима опалу великого князя со всеми ее последствиями. Максим оказался на положении подсудного не только церковному, но и светскому суду, что развязывало руки митрополиту Даниилу. Так организованы были беспрецедентные в церковной практике судебные процессы против Максима Грека, когда освященные соборы творили суд одновременно и по политическим, и по церковно-религиозным преступлениям, которые предъявил Максиму Греку главный обвинитель митрополит Даниил. Что касается роли великого князя, то она была пассивной. Василий III в середине 20-х годов XVI в. порвал с нестяжателями и подпал под влияние иосифлян, во главе которых стоял митрополит Даниил. Последний являлся теперь опорой великого князя во всех его предприятиях. Естественно, что Василий III всецело доверил своему духовному отцу дело Максима Грека, подкрепляя своим авторитетом все решения Даниила, как это видно из писем, посланных митрополитом и великим князем в Волоколамский монастырь с извещением об осуждении Максима на со-

³⁴ Сборник князя Оболенского, № 3, с. 10; ААЭ, т. I, № 172, с. 142, прим. 1.

³⁵ ААЭ, т. I, № 172, с. 143, прим. 7.

³⁶ Сочинения Максима Грека, ч. I. Казань, 1859, с. 36—37.

³⁷ Правило 79 Карфагенского собора. — Правила православной церкви с толкованиями епископа Никодима, т. II. СПб., 1912, с. 230—231.

боре 1525 г. и с предписанием волоколамскому начальству держать его в заточении в полной изоляции от внешнего мира.³⁸

Итак, инициатором и главным виновником суда над Максимом Греком был митрополит Даниил. Привлекая Максима к суду, Даниил принял все меры к осуждению подсудимого. Чтобы усилить свои позиции на соборе, он произвел предварительную чистку среди иерархов. На место сочувствующих нестяжателям епископов и архимандритов он назначил близких ему лиц из среды иосифлян.³⁹ Вместе с тем заранее были подобраны и соответствующим образом подготовлены лжесвидетели. При такой организации соборного суда над Максимом Греком вести официальные, подробные и точные протоколы судопроизводства для инициаторов суда было рискованно. Поэтому формальная сторона судебных процессов 1525 и 1531 гг. свелась, как справедливо указывал еще Е. Е. Голубинский, к частным записям, составленным писцами Даниила в его канцелярии и под его диктовку. Эти записи не имели характера официального документа и не предназначались, да и не могли предназначаться, для широкого употребления. Они хранились тайно в казне митрополита и только через некоторое время после соборов, скорее всего — после смерти Даниила (1539 г.), были литературно обработаны, причем крайне неумело, и собраны в единый свод «Судного дела Максима Грека». Эта обработка и явилась архетипом всех дальнейших известных нам судных списков.⁴⁰

После обстоятельного изучения и исчерпывающей оценки сохранившихся судных списков названными выше учеными — Н. Н. Покровским и, особенно, Н. А. Казаковой — едва ли необходима и даже возможна какая-либо дискуссия относительно научного значения этих памятников как исторических источников. По заключению большинства исследователей, «судное дело Максима Грека», как оно изложено в дошедших до нас списках, представляет собой сплошное нагромождение противоречий, явных несообразностей и клеветнических измышлений. Так, касаясь некоторых выдвинутых на суде обвинений против Максима, Н. Н. Покровский справедливо заявляет, что «специфическая логика обвинений состояла в том, чтобы доказать недоказуемое, настоять на заведомо абсурдном».⁴¹

Вполне понятно, что на основании такого рода материалов строить какие-либо категорические суждения или выводы о взглядах и поступках Максима Грека совершенно невозможно. Каждый вопрос, возникающий в связи с судным делом, требует дополнительной документальной проверки. И самым надежным критерием в данном случае могут служить сохранившиеся сочинения Максима Грека.

Впервые применил плодотворный прием проверки сомнительных материалов судного дела Максима Грека путем привлечения произведений писателя В. Ф. Ржига. В своем очерке, посвященном вопросу об отношении Максима Грека к внешней политике русского правительства, он широко использовал публицистическое наследие Максима и пришел к выводу, что творчество этого выдающегося культурного деятеля свидетельствует о его глубокой преданности интересам России и что все обвинения,

³⁸ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. с. 50—53, 121—125.

³⁹ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 78.

⁴⁰ Такого мнения придерживается в сущности и Н. Н. Покровский. «„Судный список“ соборов 1525 и 1531 гг., — пишет он, — создавался в качестве своеобразного функционального заместителя подлинных судебных протоколов и был призван выполнять их роль» (Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 89).

⁴¹ Там же, с. 64.

предъявленные ему на следствии и суде, во враждебных России сношениях с Турцией являются клеветой.⁴³

В последнее время метод привлечения источников, и в первую очередь — литературного наследия Максима Грека, для проверки материалов его судебных процессов широко применила Н. А. Казакова в своих работах, посвященных вопросу о причинах его осуждения.⁴³ Это позволило автору прийти к следующему, вполне обоснованному, бесспорному выводу: «Весь тот ассортимент разнообразных обвинений, который был предъявлен Максиму на судебных процессах: ересь, отрицание русских богослужебных книг, осуждение поставления митрополитов на Москве, порицание русских чудотворцев, изменнические сношения с Турцией, враждебное отношение к России, к русскому правительству, волхование против великого князя и другие, — был создан организаторами процессов с помощью лжи и клеветы. Все эти обвинения не соответствовали действительности. Основной причиной осуждения Максима Грека на соборах 1525 и 1531 гг. служили его обличения вотчинных прав и стяжания монастырей и церкви и вопиющих пороков высшего духовенства и монашества.⁴⁴

Вполне соглашаясь с основными доводами и выводами Н. А. Казаковой, мы хотели бы, однако, сделать несколько дополнительных замечаний по некоторым пунктам. К этому нас побуждает желание внести полную ясность в вопрос о судебном деле Максима Грека.

На первое место из предъявленных Максиму обвинений. Н. А. Казакова ставит «осуждение Максимом поставления русских митрополитов без санкции константинопольского патриарха».⁴⁵ Как и все предшествующие исследователи, она считает это обвинение вполне справедливым и относит его к числу политических «вин» Максима. В качестве доказательства она ссылается на сочинение Максима Грека, которое озаглавлено: «Сказание ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не принимати поставления на митрополию и на владычество от римского папы латынския веры и от царьградского патриарха аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленного от них не принимати».⁴⁶

По мнению Н. А. Казаковой, здесь Максим дал теоретическое обоснование своему отрицательному отношению к независимости русской церкви от константинопольского патриарха. Правильно ли такое понимание? По нашему мнению, в самом заглавии указанного сочинения сквозит другая мысль.

Известно, что после Флорентийской унии (1439 г.) и особенно после пленения Царьграда агарянами (1453 г.) в московских светских и церковных кругах укрепилась мысль, что на греческом востоке истинное христианство «нарушилось». Получила широкое распространение и признание теория — «Москва — третий Рим», по которой православие переместилось с Востока на «богохранимую» Русь и центром всего христианства стала Москва. В Москве считали, что в результате турецкого завоевания Царьград потерял значение хранителя и защитника вселенского православия, а царьградский патриарх под властью «поганого царя» утратил силу и святость священства, а следовательно, и право поставлять других (архиереев)

⁴³ В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 86—95.

⁴³ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII, с. 109—126; т. XXIX, с. 108—134; Очерки по истории русской общественной мысли, с. 155—244, гл. IV — «Максим Грек».

⁴⁴ Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 240—243.

⁴⁵ Там же, с. 196.

⁴⁶ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 154—156.

и раздавать благословения. Был случай, на который ссылался Максим, когда великий князь отказался принять благословение от царьградского патриарха, переданное через приехавшего из Константинополя архиепископа Григория, а митрополит Даниил даже не принял Григория, благословив его через порог.⁴⁷ Особенно наглядно проявилось отрицательное отношение русских церковных кругов к константинопольскому патриарху в том, что в обещательные грамоты вновь поставляемых русских митрополитов и архиереев была внесена (с 1475 г.) особая формула, где поставляемый клятвенно отрицал каноническое значение поставлений как от римского папы, так и от константинопольского патриарха и давал обещание не принимать поставленных от них архиереев.⁴⁸

Здесь, как мы видим, поставление от константинопольского патриарха, находящегося под властью «поганого царя», приравнивается к поставлению от римского папы латинской веры и тем самым объявляется неканоническим и недопустимым. Против такого взгляда на главу греческой церкви и выступил Максим Грек в своем «Сказании ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием», которое он написал в связи с поставлением на московскую митрополичью кафедру Даниила, когда впервые ознакомился с упомянутой выше формулой. Максим высказывает в «Сказании» ту ясную мысль, что если отказ от поставления римского папы «аки отпадша лика православных архиереев» является правильным, то этого нельзя сказать об отказе принимать поставления от константинопольского патриарха, хотя он и находится под властью «поганого царя». Власть неверных не может нарушить «чистоты православия» и лишить царьградского патриарха иерархической благодати. В доказательство Максим ссылается на древнюю церковь, которая до Константина Великого на протяжении 300 лет находилась под властью нечестивых царей, но не осквернилась, а «сияла, яко солнце, посреде нечестия». Здесь же Максим дополнительно отмечает, что патриарх получает силу благодати священства непосредственно от бога, а не от царя.

Таким образом, основная мысль «Сказания», как признала и сама Н. А. Казакова, сводилась к утверждению, что чистота церкви и священства не оскверняется фактом подчинения неверным.

Та же мысль о неосквернении святынь в результате иноверного завоевания проводится Максимом Греком и в другом его сочинении — «Сказание о том, яко не оскверняются святая николиже, аще и многа лета обладаеми суть от поганых»,⁴⁹ в котором он опровергает мнение какого-то старца, что старый Иерусалим «сделался непотребным», поскольку много лет им владеют сарацины, и потому Иерусалимом должна называться Москва.

Но ни в приведенных выше сказаниях, ни в одном из других своих произведений Максим Грек не делает и намек на то, что он осуждает независимость русской церкви от константинопольского патриарха и считает поставление русских митрополитов собором русских епископов неканоническим. Максим осуждал русских иерархов за то, что они, вопреки церковным канонам, отказываются от иерархического общения с греческим патриархом и не оказывают ему подобающей чести как утратившему все преимущества первоиерарха в силу агарянского пленения.

Исследователи (в том числе и Н. А. Казакова), считавшие, что Максим Грек выступал против независимости русской церкви от константинопольского патриарха, допускали неправильное понимание слова «поставле-

⁴⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 119.

⁴⁸ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, первая половина тома, с. 695.

⁴⁹ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 156—164.

ние», употребленного Максимом в «Сказании». В греческой и русской церк-вах это слово применялось в двойном смысле: в смысле избрания и в смысле возведения на кафедру по установленному церковному чину (интронизация). По церковным канонам право поставления главы церкви (патриарха или митрополита) в том и другом смысле должно принадлежать собору архiereев без всякого вмешательства извне. Но в условиях византийского абсолютизма это право редко соблюдалось. В Византии в большинстве случаев патриарха избирали (назначали) из числа угодных им лиц императоры, которые почитали себя, по словам византийского историка Никиты Хониата, «богодуховенными руководителями церкви», «непогрешимыми судьями дел божественных и человеческих». ⁵⁰

Так, Михаил III низложил неугодного ему патриарха Игнатия (857 г.) и поставил (избрал) на его место из мирян Фотия. Роман I Лекапин отстранил от патриаршества Трифона и поставил патриархом своего младшего несовершеннолетнего (16 лет) сына Феофилакта (933 г.). Примеры вмешательства императоров в дело избрания патриархов в Византии были многочисленны. В этих случаях за собором епископов оставалось лишь право интронизации — возведения на патриаршую кафедру избранного императором кандидата по церковному чину, хотя собор обыкновенно старался соблюсти формально и предварительную церемонию избрания. ⁵¹

До середины XV в. (до 1448 г.) правом поставления русских митрополитов и в смысле избрания, и в смысле интронизации пользовались константинопольские патриархи, под юрисдикцией которых находилась русская церковь. Но так как сами патриархи всецело подчинялись власти императора, то поставление митрополитов на Руси совершалось с полного согласия и часто по прямому указанию последнего. Естественно, что ставленники Царьграда на русском митрополичьем престоле являлись проводниками на Руси провизантийской политики. ⁵²

После завоевания Византии турками верховная власть над греческой церковью перешла к турецкому султану, а вместе с тем — и право вмешательства в поставление патриархов. И хотя права греческого духовенства и патриарха определялись особыми султанскими грамотами, так называемыми баратами, в действительности эти права постоянно нарушались. Султаны низлагали и избирали патриархов по своему усмотрению. Какой произвол царил в этом отношении, можно видеть на примере патриарха Кирилла Лукариса (1621—1638 гг.), который 7 раз низлагался и снова возводился на престол и после восьмого низложения в 1638 г. по приказу султана был удушен, а труп его брошен в воды Босфора.

Вполне понятно, что вся деятельность патриархов, особенно в области внешних сношений, строго контролировалась турецким правительством. Если бы теперь константинопольские патриархи пожелали сохранить свою власть над русской церковью и поставлять на Русь своих митрополитов, то они могли осуществлять это только с согласия и одобрения турецких властей и направлять в Россию только угодных султану кандидатов, готовых проводить в Москве протурецкую политику.

Мог ли Максим Грек в таких условиях выступать в защиту подчинения русской церкви Царьграду и поставления оттуда русских митрополитов?

⁵⁰ Никиты Хониата История, т. I. СПб., 1860, с. 271; т. II. СПб., 1862, с. 122—123.

⁵¹ Проф. П. Соколов. Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV века (843—1453 гг.). СПб., 1907.

⁵² Интересный вопрос о роли поставляемых на Русь царьградским патриархом митрополитов во взаимоотношениях Византии и Древней Руси остается недостаточно изученным.

Допускать подобную мысль было бы абсурдом. Сами константинопольские патриархи не считали возможным теперь претендовать на подчинение им русской церкви и на поставление (избрание) на Русь своих митрополитов.

Русская церковь уже около столетия (с 1448 г.) самостоятельно, без согласия константинопольского патриарха, ставила своих митрополитов, и никто на Востоке, в том числе и патриархи царьградские, не только не протестовали против установившегося порядка, но стремились поддерживать хорошие отношения с русской церковью. Об этом свидетельствуют все сохранившиеся послания на Русь константинопольских патриархов и других иерархов Востока.⁵³ Так смотрел на русскую церковь и ее предстоятелей и Максим Грек. В его обращениях к русским иерархам нет ни малейшего намека на какое-либо пренебрежение к ним, как не имеющим канонического достоинства. Даже своего гонителя митрополита Даниила после его низложения (1539 г.) Максим продолжал именовать «священнейший отче и владыко» и смиренно умолял: «. . .развори многолетное твое, еже на мя, негодование и покажи ко мне бедному священную любовь».⁵⁴ Но просьба Максима о примирении не имела успеха. Можно ли после этого допустить, чтобы Максим Грек повосил митрополита, великого князя и весь русский церковный клир как еретиков, сравнивая их с Иудой, и объявлял достойными проклятия? Все обвинения, предъявленные в связи с этим на суде Максиму лжесвидетелями Афанасием Греком, Феодором и Арсением Сербиной, о приверженности его к Флорентийской унии, о восхвалении им православных взглядов униата Исидора и другие являются очевидной клеветой.

Но, спрашивается, о каком же «поставлении» русских митрополитов (и епископов) константинопольским патриархом писал Максим Грек в своем «Сказании», а возможно, и говорил устно?

Несомненно, он имел в виду поставление в смысле интронизации, возведения в соответствующий иерархический сан по церковному чину. Это поставление имело чисто ритуальный характер и ни в какой мере не связано с вопросом об административном подчинении. На Востоке во все времена наблюдались случаи, когда глава той или иной автокефальной церкви принимал поставление в смысле интронизации от предстоятеля другой церкви, чаще всего — от константинопольского патриарха, не теряя своей независимости. Рассуждения Максима Грека о поставлении русских митрополитов константинопольским патриархом (в смысле интронизации) имели к тому же чисто теоретический характер и не предусматривали безусловной обязательности такого поставления.

Некоторые исследователи (И. Денисов, Б. И. Дунаев), доверяя материалам «Судного дела», задавались вопросом: какие побуждения лежали в основе выступлений Максима против независимости русской церкви от константинопольского патриарха, и пришли к выводу, что в данном случае Максим Грек действовал как агент константинопольского патриарха — прибыл в Россию с поручением втянуть русских в войну с Турцией для освобождения Греции и добиться восстановления юрисдикции константинопольского патриарха над русской церковью.

Несостоятельность такого взгляда довольно убедительно выявлена Н. А. Казаковой.⁵⁵ Мы добавим здесь еще одно соображение. После завершения перевода Толковой Псалтыри, для чего он и вызван был в Россию,

⁵³ А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858.

⁵⁴ Сочинения Максима Грека, ч. II, с. 369, 373.

⁵⁵ Н. А. Казакова. Очерки истории русской общественной мысли, с. 199—203.

Максим Грек настойчиво просит Василия III отпустить его на Афон, где иноки Ватопедского монастыря с нетерпением ожидают его возвращения.⁵⁶ Если бы он имел указанные выше агентурные поручения, то не только не стремился бы возвратиться на Афон после кратковременного пребывания в России (полтора года), но постарался бы всячески задержаться в Москве, чтобы воздействовать на правительство и церковные круги в желаемом направлении, тем более что после перевода Псалтыри он приобрел большую благосклонность великого князя и митрополита Варлаама.

Итак, Максим Грек выступал не против самостоятельного поставления собором русских епископов своего митрополита, а против крайне оскорбительного отношения русских церковных кругов к константинопольскому патриарху, наиболее наглядно выраженного в указанной выше клятвенной формуле. Его целью было доказать неоскверненность православной греческой церкви, несмотря на факт подчинения ее неверным, и восстановить сильно пошатнувшийся в глазах русских людей после падения Царьграда авторитет константинопольского патриарха. Эта основная цель Максима была искажена намеренно его обвинителями и неправильно истолкована позднейшими исследователями.

Совершенно излишне касаться всех прочих обвинений политического и религиозно-догматического порядка в адрес Максима Грека. Все они рассмотрены Н. А. Казаковой с исчерпывающей полнотой и вполне беспристрастно. Мы отметим только одно заслуживающее внимания обстоятельство. В официальных документах, касающихся осуждения Максима, обычно упоминаются лишь религиозно-догматические обвинения, и то не все. Так, митрополит Даниил в своем письме в Иосифов монастырь, извещающем начальников монастыря о соборном суде над Максимом 1525 г., ссылается на «Хульное учение» Максима о «мимошедшем седении Христа одесную отца» и на его отрицательное отношение к поставлению русских митрополитов без согласия константинопольского патриарха. О всех остальных обвинениях Даниил умалчивает, ограничиваясь заявлением, что осужденный «исполнен множайшего демонского нечестия, и ереси, и пагубы».⁵⁷

В соборном списке митрополита Макария от 1549 г. об отлучении от священства Исака Собаки перечисляются две указанных выше «вины» Максима Грека и, кроме того, его «хульные строки» в переводе Метафрастова жития пресвятой Богородицы и порицание стяжательской деятельности монастырей. При этом митрополит Макарий утверждает, что все эти материалы он извлек из найденного в царской казне якобы подлинного соборного «списка Даниила» о ереси Максима Грека.⁵⁸ Такое выделение в важных официальных документах лишь нескольких (4) пунктов из обширной серии предъявленных Максиму Даниилом обвинений на судебных процессах нельзя признать случайным. Только по этим пунктам, не имеющим по существу криминального характера, обвинители Максима располагали какими-то конкретными данными, которые они могли использовать для привлечения его к суду, пустив при этом в ход ложные истолкования и клеветнические домыслы.

Итак, вновь найденный в Сибири и опубликованный «Судный список Максима Грека» не вносит чего-либо существенно нового в вопрос о «Судном деле Максима Грека». Он только более наглядно подчеркивает ту несомненную истину, установленную беспристрастными исследователями

⁵⁶ Сочинения Максима Грека, ч. II, с. 317—318.

⁵⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 121—122.

⁵⁸ Там же, с. 125—129.

на основании прежних материалов, что судебное дело против Максима Грека было создано митрополитом Даниилом и построено на ложных клеветнических обвинениях и ложных показаниях послушных Даниилу свидетелей. Естественно, что после суда над Максимом в дальнейшем нигде не встречается даже упоминания об этом скандальном процессе. Мы нигде не находим и намека на то, чтобы кто-нибудь из современников Максима Грека отозвался о нем как о государственном преступнике и еретике. Наоборот, после суда авторитет и слава Максима Грека непрерывно растут. Его произведение получают все более широкую известность и распространение. Их читают все «книжные люди» на Руси и даже представители высшей церковной и светской власти — митрополит Макарий и царь Иван IV. Максим Грек ведет с ними переписку, дает им советы.

В пользу Максима раздаются авторитетные голоса с православного Востока. За него ходатайствует Ватопедская обитель, откуда он был вызван на Русь в 1518 г. для переводческой деятельности. В 1544 г. константинопольский патриарх Дионисий, извещая московского царя о своем избрании, настойчиво просит его от себя лично, от иерусалимского патриарха Германа и от избравшего его собора епископов отпустить инока Максима на Афон, чтобы он мог быть погребен на месте своего пострижения.⁵⁹ В 1845 г. в Москву была прислана грамота престарелого александрийского патриарха Иоакима, в которой в весьма энергичной форме выражалось требование освободить Максима от темничных уз и вернуть его на Афон. Патриарх гневно осуждал царя в неправильном задержании Максима и незаконном осуждении его. В качестве причины осуждения в грамоте назывались «действие дьявольское» и «козни злых челоуков» и подчеркивалось, что для этого осуждения не было никаких оснований, так как Максим не являлся ни злоумышленником, ни еретиком.⁶⁰

Можно с уверенностью сказать, что возрастающий авторитет Максима Грека после суда и общее убеждение современников в его невинности уже в 40-х годах XVI в. ставили перед высшей церковной властью вопрос о пересмотре судебного дела. Но эта проблема, как справедливо замечает Н. Н. Покровский, была довольно сложной и щекотливой.

Во-первых, для оправдания Максима Грека требовался созыв нового освященного собора, что сделать было нелегко, так как в правящих кругах церкви по-прежнему господствующее положение занимали иосифляне. Во-вторых, оправдание Максима означало бы осуждение Даниила и его соборов 1525 и 1531 гг. и, следовательно, признание неканоничности действий русской церкви, тем более что Максим Грек, как отмечалось выше, заявлял о своей неподсудности суду русских иерархов. В-третьих, при новом царе Иване IV правительство снова намеревалось поставить вопрос о церковно-монастырских землевладениях. В этих условиях оправдание Максима Грека как вождя русских нестяжателей было опасно для имущественных интересов церкви. В-четвертых, хотя Макарий относился к Максиму с большим уважением, он не мог решиться на его реабилитацию, так как оставался сторонником иосифлян.

Наконец, пересмотр судебного дела Максима Грека мог вызвать нелестные для авторитета русской церкви отклики за рубежом, и прежде всего — на Востоке.

Одним словом, оправдание Максима Грека и осуждение митрополита Даниила и его соборов было бы для русской церкви делом «засорным». Вот почему митрополит Макарий на одно из посланий Максима с просьбой

⁵⁹ См.: ЖМНП, СПб., 1834, ч. III, с. 272.

⁶⁰ Там же, с. 275—276.

снять с него церковное отлучение и отпустить на Афон писал: «Узы твои целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем».⁶¹

После смерти Максима Грека вопрос о бывшем суде над ним не поднимался ни в официальной переписке, ни в литературных произведениях на протяжении свыше 300 лет. Вновь всплывает этот вопрос после опубликования О. Бодянским в 1847 г. «Судного дела Максима Грека» по списку Погодина, вызвавшего разногласия и споры среди русских исследователей, которые продолжаются до настоящего времени.

Нам кажется, что после обстоятельных изысканий Н. П. Покровского, и особенно Н. А. Казаковой, и ввиду отсутствия новых каких-либо источников дальнейшая дискуссия по вопросу о «Судном деле Максима Грека» является бесполезной. Гораздо важнее было бы сосредоточить внимание исследователей на изучении разных сторон литературной деятельности этого выдающегося русского писателя. До сих пор остаются не освещенными такие, например, вопросы, как значение Максима Грека в истории создания русской грамматики, его роль в возникновении русского книгопечатания, влияние на постановления Стоглавого собора 1551 г., роль в идеологической борьбе русского общества первой половины XVI в. В обширном литературном наследии этого деятеля можно найти материалы и по многим другим вопросам, имеющим весьма большое значение для истории русской культуры и общественно-политической мысли XVI в.

⁶¹ Филарет (Гумилевский). Максим Грек, с. 91—96; ср.: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 170.